

Рассматриваются взаимодействие и различие двух типологий сада, в общем виде понимаемых прежде всего как пространство для массового отдыха и развлечений, альтернатива повседневному существованию в мегаполисе. Первая типология ориентирована на чувственное, тактильное восприятие природной формы, нередко естественного происхождения, ассоциируемой с райским садом (Эдемом), проиллюстрированным художниками барокко. Вторая – определяется заданным сценарием придуманного ритуала (перформанса) и поэтому конструируется на основе общественно признанных норм. Выдвигается концепция Нового Эдема – сада постиндустриального типа, актуализирующего персональное медитативное взаимодействие субъекта с проектным сценарием сада.

Ключевые слова: сад; две типологии – тактильная и ритуальная; интеграция типологий; персональное взаимодействие. /

Новый Эдем: тактильное и ритуальное / Tactile and ritual – two strategies for the garden. New Eden

Сад представляется нам понятием, обозначающим и олицетворяющим ценность расслабленного, медитативного, бесцельного или перформативно разыгранного времея-препровождения, альтернативного повседневному существованию в городах. Осознание необходимости этой альтернативы в разные эпохи складывалось под влиянием жизненных тягот, целеполагания, предзданности ценностных представлений и функционального построения города как квинтэссенции системы. Сад массового посещения, предусмотренный как элемент системы, в сознании человека постиндустриальной эпохи может трансформироваться в пространство индивидуальных образов и маршрутов, не совпадающих с алгоритмами навязанного системой стандарта.

Сложившееся представление о саде дробится на множество типологических версий, сближенных с pragmatischenkим дискурсом системы или удаленных от него на разные дистанции. Например, садом может называться хозяйство, занимающееся выращиванием на продажу различных фруктов, и тогда это часть функционального обустройства рынка. Садом в Библии назывался Эдем (райский сад) [1] – место первоначального обитания Адама и Евы; садами зачастую именуются городские, усадебные и королевские парки (сады Версалья) и даже скромные дачные «шесть соток». Каждый из таких вариантов сада обладает своим сочетанием примечательных свойств – как медитативных, так и pragmatischenkих. Различие и взаимодействие медитативных (бесцельных, тактильных) и перформативных (ритуализированных, игровых) характеристик определяет общую типологию сада, альтернативную pragmatischenkому сценарию большого города и являющуюся предметом данного сообщения. Разделение этих свойств на тактильные и перформативные вызвано намерением понять соответствующие этим свойствам основания для создания проектных концепций.

Цель настоящей работы – рассмотрение предпосылок концепции нового сада постиндустриального типа, соотносящейся с задачей ситуативного комбинирования двух типологий сада – тактильной, восходящей к естественной природе, и перформативной, ритуализированной, «предписывающей модели». Важно понять, кто может стать

The article examines the relationship and difference between two garden typologies, generally understood as spaces for mass recreation and entertainment, an alternative to everyday life in the metropolis. The first typology focuses on the sensual, tactile perception of natural forms, often of natural origin, associated with the Garden of Eden, as illustrated by Baroque artists. The second is defined by a predetermined scenario of an invented ritual (performance) and is therefore constructed based on socially accepted norms. The article proposes a concept of a New Eden – a post-industrial type garden that actualizes the personal meditative interaction of the subject with the garden's design scenario.

Keywords: garden; tactile and ritual typologies; integration of typologies; personal interaction.

субъектом концепции и в отношении каких качественных характеристик формируется запрос на Новый Эдем.

Гипотеза

Синтез тактильных и перформативных (ритуальных) свойств сада (парка) с высоким уровнем природных компонентов создает основание для возникновения особого настроения непредсказуемости сценария, переживания момента и свободного выбора маршрута. Отсутствие подсказок, явно прочитываемых как вымысел проектировщика, работающего на уже привнесенный извне концепт «программы» (легко распознаваемый штамп), начинает пробуждать интерес к субъективно выстроенной истории места, слагающейся из удовольствия и придумываемого контента каждого нового эпизода. Нужен поэтому сад, где тропа и аллея, камень и сделанная ступень, заводь и парапет, пустырь и газон, медитация и перформанс – интегрируются в новый тип современного сада, рекомбинируемый в матрично выстроенной реальности субъекта, предпочитающего «неколлективный маршрут». При этом совершенно закономерным становится такая постановка вопроса, когда привычная расшифровка понятия сада как типологии может быть проинтерпретирована в прямом или ассоциативно-метафорическом соотношении с понятием гармонично переосмыщенной городской и периферийной среды. В метафорическом смысле сад с медитативно выстроенным сценарием имитирует (изображает) странствие субъекта и поэтому, привлекая спонтанно организованные природные субстанции, изменяет масштаб территории, убирает привычные геометрические и информационные свидетельства реально потраченного (прожитого) времени и пройденных расстояний.

Райский сад – прототип тактильной типологии

Райский сад Эдем – в древнееврейских религиозных текстах место обитания Адама и Евы до грехопадения. С позиции поведенческого сценария райский сад – природный оазис, область спонтанного блуждания двух людей, будто бы не предполагавших, что им предстоит стать прародителями человечества, и поначалу не сильно обремененных практическими обязательствами. «Можно сказать, что по отношению к прародителям Рай представлял оптимально комфортную среду обитания. Здесь все

текст

Сергей Малахов
Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный университет
text
Sergey Malakhov
National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

> Рис. 2. Концепция сада как коллективного прогулочного маршрута (www.mos.ru)

располагало к радости, но самую высокую радость первозданные люди испытывали оттого, что имели общение с Богом – неисчерпаемым Источником блага» [2]. Анализ существующих повествований, связанных с райским садом, создает картину уже свершившейся интеграции двух сюжетов: условно природного (типологии тактильного) и перформативного (типологии ритуального). Согласно различным источникам, Эдем, хотя и является райским садом, но по сути есть религиозный и исторический прецедент, материальная субстанция которого, по разным источникам, ассоциируется с конкретным «земным расположением» на территории Междуречья (рис. 1). Разнообразие исторических версий сада, начиная с сада царицы Хатшепсут и одного из семи чудес света – висячих садов Семирамиды, рассматривается в научной публикации М. Соколовой [3].

Типология сада, восходящая к художественным интерпретациям Эдема, насыщена чувственной атмосферой единения с естественной природой. Тактильные свойства Эдема проявляются в нерациональности ландшафта, его бесконечном разнообразии и непредсказуемости. В пространстве этого сада не существует предпосылок для форсированного преодоления дистанций, а также нет никаких очевидных признаков, выявленных дестинаций, отсутствуют искусственно созданные объекты. Эдем не предполагает спешки и суеты. Время здесь останавливается, замирая в той точке, где возникает сущностный

свет эпизода, и это может быть все, что только создано Богом, и одновременно – любая мелкая вещь, начиная от муравья и солнечного проблеска между ветвей. Любой из современников, оказавшись на месте Евы или Адама, легко бы понял, что (без ссылки на сюжет грехопадения) он наконец-то сам выбирает тропу, момент остановки и тему для медитаций. Мы не уверены, что райский сад существовал на самом деле, но его присутствие в нашей культуре проявляется как устойчивый образ и метафора проектных решений, наследующих ген естественного поведения.

Имитационные версии тактильной типологии. Специфика перформативного сценария (второй типологии) сада

Наряду с этим вожделенным прототипом в современных распространенных типологических версиях сада, напротив, существует проблема ограничения свободного выбора, т. е. легко узнаваемая проектная сценография. Подобные решения основываются на обывательском представлении «кальтернативы» в виде формулы «край - отдых», обеспечивающей получение ожидаемой услуги по упрощенному сценарию: сад – это шествие по аллее за руку с ребенком, требующим мороженого и каруселей. Или сад – это семейный пикник на лужайке в тени развесистой ивы (рис. 2).

В предпринимаемых проектах благоустройства часто доминируют решения с ярко выраженным присутствием дизайн-интервенций, преобразующих сложный природный космос места в поверхностный нарратив на основе заданного функционального алгоритма и имитации природного компонента. Имитационный образ декоративно оформленного «природного компонента» является распространенной практикой современного ландшафтного дизайна, наиболее адаптированной горожанами и туристами. В ситуации, когда предлагаемый сюжет сада (парка) распознается незамедлительно, начиная от точки входа, смысл дальнейшего перемещения по аллеям приобретает ритуальный, а не метафизический контекст. Так возникает второй типологический тренд, ориентированный на ритуал (перформанс) – в качественном диапазоне от упрощенной версии до роскошной.

> Рис. 1. Ян Брейгель. Райский пейзаж (wga.hu)

^ Рис. 4. Александр Бенуа. Прогулка короля. 1906 (<https://www.tretjakovgallery.ru>)

^ Рис. 3. Хелен-парк. Ванкувер. Автор проекта Роберт Брукема (getyourguide.ru). Дорогостоящая реплика на тему райского сада

Подобный процесс приводит в итоге к исчезновению места как райского сада в его не выдуманном, а естественно сложившемся виде. При этом дорогостоящие имитационные проекты, несмотря на существенные затраты, сохраняют видимость «прекрасного» природного окружения, ассоциируемого с Эдемом (рис. 3). Укреплению второй названной типологии способствуют современные образовательные программы, не настаивающие на необходимости ценить естественную среду.

«Перформативный сюжет», где заранее заложены ритуализированные процессы, заданные алгоритмы, может быть по-своему впечатляющим (чаепитие у крыльца дворянской усадьбы, церемониальные шествия короля, танцплощадка), но утратившим свою актуальность за давностью лет и поэтому нуждающимся в обновлении ритуала.

В прошлые времена сад обладал относительно честными ссылками на свой исходный геном: усадебный, городской или царский. Для королевского сада статус «стандартной формулы» преобразуется в перформативно выстроенные мизансцены, в основном воспроизводящие придворные ритуалы. Александр Бенуа изображает перформанс королевской прогулки в версальском парке в виде медленно движущейся кавалькады, минующей фонтан с бронзовыми амурами и состоящей из короля, фаворитки, пажей и придворных. Иди нужно медленно, угадывая поступь шагов Людовика, не озираясь, не изменяя темпа, не отвлекаясь от ритуального шествия ни на миг (рис. 4).

Перформативность (игровое поведение) и ритуализация – существенные признаки второй типологии сада – являются инструментами пафосного архитектурного поведения (Андре Ленотр в Версале, Николо Микетти в Петергофе), уместного в условиях иерархической системы и ее рыночной модели, проивающей сложный и многообразный комплекс среди нитями политической и коммерческой выгоды, что позволяет манипулировать распространенными представлениями о прекрасном. Между тем для архитектурной методологии в ее гуманистическом измерении остается важным поиск более проникновенных стратегий средового формообразования с опорой на естественные средовые ценности и процессы. Соответственно, возникает вопрос, может ли

естественно сложившаяся среда стать основанием для такой интеграции типологий, когда возникает проектный сценарий – Новый Эдем, предполагающий не типовое, а персонально переживаемое взаимоотношение с садом? Какими качествами должен обладать новый проектный подход? Этот вопрос является ключевым для нашего анализа.

Стратегия Нового Эдема: сад естественного происхождения

Картины живописцев, посвященные изображению Эдема, подтверждают мнение, что подлинно расслабленное состояние иллюстрируется образами необузданной природной стихии и услаждающих взгляд экзотических растений. Естественная природа во всех ее проявлениях доминирует в культурных проектах мирового сообщества. Исследуя подходы к обновленной стратегии сада, мы настаиваем на сближении проектной методологии с отечественным природным контекстом и на выработке навыков деликатного взаимодействия с ним. Прекрасные ландшафты волжских побережий, просторные луга Владимира-Сузdalского ополья, озерные глубинки Прионежья, таежные хребты за Байкалом – все это природные феномены России, являющиеся увлекательными локусами totalного парадиза (рис. 5).

Ценность взаимоотношения человека с естественным природным контекстом характеризуется множественностью и богатством обретаемых впечатлений. Тропа в Тутаеве на спуске к берегу окутана пышными зарослями репейника, полыни, пижмы, сныти, чистотела, крапивы и клевера, захватившими территорию вдоль самой ее кромки. Важно, что сама тропа не допускает спешки: ее профиль местами не настолько пологий, чтобы игнорировать хореографические возможности тела, что предполагает, что тело отклоняется, покачивается, поворачивается винтом, допуская размашистые шаги, осторожную поступь боком, скольжение и торможение на мелкой каменистой фракции грунта. «Хореография подъема и спуска» становится не практикуемым в городе или на алеи в Архангельском вариантом телесного опыта. К тому же в момент торможения вы успеваете рассмотреть сферически выстроенную панораму с близким и дальним планом: небом, противоположным берегом,

^ Рис.6. Город Тутаев: а – спуск к Волге по тропе мимо Благовещенской церкви; б – заросли лопуха по обочинам. Фото автора

^ Рис. 5. Пшеничное поле в деревне Сергиевка Самарской области. Рисунок автора

> Рис. 7. Примеры спонтанной интеграции благоустройства «к месту»:
а – спуск к морю. Ступени, встроенные в скалистый склон. Каш, Турция;
б – каменистая тропа с остатками древних руин. Ксанtos, Патара, Турция.
Фото автора

рекой, причалом, покосившимся забором и возникшим по ходу движения семейством репейника (рис. 6).

Основываясь на подобных впечатлениях, мы вправе задать вопрос: в каком же месте эта тропа в Тутаеве могла бы допустить добавление каких-либо более комфортных приспособлений для спуска и переустройство зеленого периметра, представленного роскошным набором самостоятельно выросших трав и цветов? Такой вопрос напрашивается исходя из изначальной конфронтации двух обозначенных типологий сада, двух культурных архетипов архитектурного вмешательства в сад: естественного (пусть все остается как есть!) и проектного (раз есть спуск, значит его нужно «сделать»!).

Вмешательство новой архитектурной формы в естественно сложившуюся природную среду не вызывает вопросов, если при этом удается образовать органическое (деликатное) созвучие двух начал. Иногда это камни, искусно имплантированные в каменистый склон в качестве ступеней (рис. 7), или терраса, зависшая над естественным травяным покровом (рис. 8). Отличный пример деликатного решения продемонстрировало проектное бюро Mirrorgroup, реализовавшее концепцию набережной из деревянных настилов на берегу реки Осётр в Зарайске.

Перформативные ресурсы городской среды. Эффект сближения сценариев сада и малого города

Между тем сегодня возможности перформативного поведения возникают в самом городе и на его периферии – на задворках и пустырях. Наблюдение за городской жизнью дает нам примеры обратного продвижения: не от типологии к настроению, а, напротив, от качества обитания и возникающего настроения к типологии, что позволяет сравнивать, казалось бы, совершенно несопоставимые феномены. Сад, будучи примером нецеленаправленной, спонтанной формы обитания, доставляющей удовольствие просто по факту наличия природного контента, порождает комплекс ощущений, который, как выясняется, вполне сопоставим с впечатлениями от бесцельного блуждания по городским лабиринтам.

Наблюдение за городской жизнью преподносит нам неожиданные открытия: многие горожане реализуют свои желания свободного и бесцельного времяпрепро-

< Рис. 8. Набережная в Зарайске. Компания Mirror Group, 2021 (regions.ru)

вождения, выбирая не спроектированные для этой цели сады и парки, а промежуточные территории и объекты, не определяемые в терминах рассматриваемых типологий. Например, дети чувствуют более интересные возможности, карабкаясь на кучи песка и щебня, сложенные на стройплощадках. Взрослым больше нравится выезжать на берег реки, оставшийся без проектного освоения. Путешествия по городским переулкам и пустырям, посиживание на лавках в уютных дворах старых кварталов – элементы городского перформанса, воспринимаемые как интуитивно выстроенная программа, сближающаяся по потенциалу с обеими альтернативными системе типологиями сада: тактильной (спонтанной) и перформативной (ритуальной) (рис. 9). Спонтанность и самоорганизация становятся важным фактором сада как альтернативы системе и образу жизни в мегаполисах. Сад приобретает новые границы как типология персонального бесцельного странствия горожанина в пределах очерченной им ойкумены.

Медитативный сценарий сада. Новый (странствующий) горожанин

Путешествие по новым местам вне популяризируемых коллективных экскурсий становится все более распространенным занятием по сравнению с прошлой эпохой. Аллан де Боттон в своей книге *The Art of Travel* рассматривает такой тип любопытствующего персонажа, выразительно описывая пять основных составляющих, характеризующих весь процесс путешествия: *departure* (отбытие), *motives* (мотивация: зачем уезжать из города), *landscape* (ландшафт – т.е. место, которое может волновать), *art* (искусство: как научиться видеть глазами художника) и *return* (рефлексия пережитого опыта). В сжатом виде эти составляющие отражают те самые элементы необходимого опыта, которые могут характеризовать не только путешественников Нового Времени, но и «нового горожанина» постиндустриальной эпохи, предпочитающего независимый выбор маршрутов своего странствия. И ему при посещении сада – во всех его ассоциируемых проявлениях (парк, пустырь, овраг, дикий берег, руины, малый город, луг) – уже не приходит в голову отказаться от медленного, тактильно осмысленного маршрута, когда бы он пропустил что-то значимое

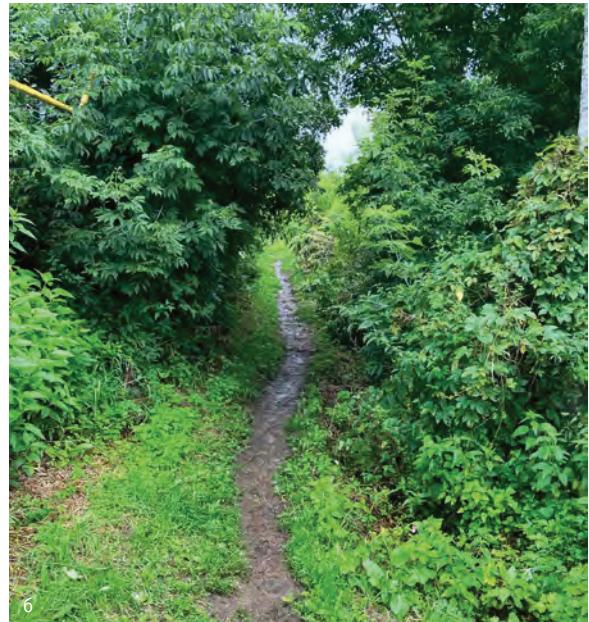
из того, что не очень важно и не очень заметно другим. Намерениям Аллена де Боттона соответствовало неспешное погружение в красоту окружающей его новой реальности, ассоциативное переживание множества не замечаемых другими вещей, персонажей и состояний, видимых или воспринимаемых подсознательно [4].

Новый (странствующий) горожанин – субъект, предпочитающий индивидуально выстроенные маршруты, медитативное погружение в средовой контекст, неспешное наслаждение новым местом и отрицающий типовые модели туристических коллективных мероприятий. Человек, оказавшийся в саду за периметром главного променада, отличается склонностью к рефлексии и внимательной инвентаризации всего того великого множества мелочей, которое для большинства остается неувиденным. Аллен де Ботон, путешествуя по подземке и в окрестностях станции, приметил четыре тысячи вещей (*things*), из которых «обычно мы замечаем лишь несколько» [4, с. 250]. Проект Александра Бродского выстраивает сад, соединяющий болото, тропу и библиотеку. Любая из по ходу перелистанных книг в его расставленных павильонах и стеллажах увеличивает количество восхитительных «обнаружений» в сотни раз. Новый Эдем приветствует «нового горожанина», не пренебрегающего страницами и неспешным переживанием пазла из множества собственных ощущений. Похожий вариант художественно преображенного списка как бы ничем особо не примечательных объектов в окрестностях Нового Орлеана представляет Оливия Лэнг, следующая на медленно движущемся поезде к месту, где когда-то находил свое пристанище Теннеси Уильямс: «Я снова глянула в окно, там бежали вдоль рельсов деревянные дома, кремово-белые, мандариновые и небесно-голубые. <...> Потом пейзаж стал меняться. Мы приближались к заболоченной местности. Деревья росли из заводей, из стоячих речных рукавов, отбрасывая темные отражения на ослепительно-серебристую, голубую, золотистую поверхность воды, и вспышки света пронизывали всю лесную подстилку» [5, с. 130–131].

Парк Бродского в усадьбе Веретьево под Москвой – поэтически осмысленный вариант сознательной интеграции обеих рассматриваемых типологий сада: тактильной и ритуализированной (перформативной). Проект реали-

a

б

^ Рис. 9. Бирск:
а – патио частного дома;
б – тропа на склоне
оврага.
Фото автора

зует концепцию соединения элементов благоустройства с существующими природными объектами. Но, несмотря на примитивные терминологические дефиниции, глубина предложенного проектного решения характеризуется пронзительным ассоциативным и образным построением на всех возможных уровнях формы. Обсуждая концепцию Парка Бродского, Григорий Ревзин направляет внимание на разработанную еще в 1972 году модель «глобального развития человечества», в которой ее авторы Донелла и Денис Медоуз выносят предупреждение о том, что «развитию человечества есть предел, и этот предел – природа» [6, с. 11]. В определенной степени это предупреждение, указывает Ревзин, отразилось в проекте датского парка Гиссельфельд-клостер (студия Effect), где природное качество среды сохраняется на основе контрастной оппозиции прозрачной башни, предназначеннной для наблюдения, и абсолютно «неблагоустроенного природного окружения», намеренно остающегося недоступным. «Недоступность» природы у Бродского также строится на основе контраста искусно спроектированной деревянной тропы на опорах и абсолютно отстраненного окружения – болота и захламленного леса, что в целом создает мистический образ погружения в «покинутый мир», а это есть основание для индивидуальных ассоциаций и переживаний посетителя парка, т. е. перформативное перевоплощение, например в «венерианского странника» Брэдбери или в самого автора проекта, переживающего, с некоторой долей вероятности, гениально отрефлексированное воспоминание о «советском детстве» и объектах-архетипах античного мира.

Тактильность сада в этом проекте означает его физически переживаемую неприкословенность и возможность каждого из нас пройти в одиночестве по узкому, парящему над поверхностью тротуару. Перформативная, условно ритуализированная программа реализуется как бинарный элемент искомой формулы постиндустриальной стратегии сада, медитативно осознаваемая потребность путешествия во времени. Однако сам факт преобладания авторского сценария, спроектированного на ощущения посетителя, заставляет нас несколько усомниться в том, что этот концепт оставляет субъекту достаточное пространство для выбора собственного сюжета, т. е. для воплощения той модели сада, которой

в большей степени соответствует «сценография анонимной среды»: поле, дикий берег, пустырь, городской район. Сад подобного происхождения соотносится с объектом непосредственно заданного функционального назначения – как его метафорическая интерпретация и воображаемая ойкумена субъекта. И поэтому, заканчивая наш анализ, все-таки оставим открытым вопрос: может ли вообще существовать проектная практика, допускающая наличие «непроектной формы», т. е. природной или искусственной среды, выросшей, сложившейся из собственных не всегда объяснимых корней? Можем ли мы предположить, что проектируемые архитекторами объекты смогут обладать достаточным уровнем неопределенности, как об этом мечтают Ричард Сеннет и Пабло Сендра, – с тем чтобы наш Новый Эдем сохранял перформативную миссию свободного выбора и игры и не утрачивал возможности саморазвития [7, с. 227]?

Выводы

Проведенный краткий обзор различающихся или интегрированных типологий сада приводит нас к формулированию ряда вопросов и предположений, надстраивающихся по периферии центрального сюжета: как соединить в одной стратегии сада авторскую волю (архитектурный проект) и свободный выбор субъекта?

Постиндустриальный сценарий среды выдвигает на первый план несколько сопутствующих этому сюжету концептов:

1. Свободный выбор, касающийся намерений субъекта, покинувшего (на время или навсегда) мир мегаполиса, на первый план выдвигает идею Нового Эдема, т. е. своего рода «пространства субъективных предпочтений» (свободного выбора целей).

2. Наслаждение жизнью (новый тип гедонизма) обеспечивается сменой туристического формата: вместо коллективных экскурсий «по новым местам» выбирается персональный спонтанно производимый маршрут.

3. Турист или резидент – это новый тип горожанина, интересующегося в первую очередь креативной и природной историей и ресурсами места.

4. Новый тип горожанина отделяет себя от чрезмерно ритуализированной стратегии отдыха и развлечений, предпочитая сад с соответствующей непредписываемой

> Рис. 10. Парк Веретьево. Тропа над болотом. Архитектор Александр Бродский. «Неудобная» тропа намеренно противопоставляет препятствие и комфорт, создавая метафору передвижения как личного выбора (<https://artveretevo.com>)

или упрощенной моделью; именно поэтому его не будут интересовать повсеместно разрабатываемые и внедряемые так называемые проекты благоустройства.

5. Предписывающие сюжеты теперь будут соотноситься с высоким уровнем интерпретации стратегии авторского присутствия – от полного отсутствия или анонимности (луг, овраг, старый город) до изысканной формулы медитативного «сверхперформанса» (Веретьево).

6. Новой целью дизайна сада становится умение физической адаптации авторами «естественной архитектурной формы» к смиренно воспринятым и, безусловно, могущественному феномену природы.

7. Понятие сада отчасти возвращается к Эдему как к своему мифологическому прототипу, описанному художниками как тактильная (безраздельно природная) типология бесцельного обитания и одновременно представленному историками и авторами клерикального клуба как варианты перформативных и вполне архитектурных моделей (сады Семирамиды).

8. Эдем, представляющий собой безграничное пространство и отчасти пересекающийся с Царством Небесным, но все же не являющийся таковым, предлагает новому горожанину гораздо более новые версии сада, включая любые доставляющие наслаждение природные и архитектурные (тактильные и перформативные) локусы, такие как малые уютные города, ополья, береговые пространства малых рек, заброшенные окраины, бывшие промзоны, руины, светлые рощи, овраги и все, что позволяет сохранить настроение указанного прототипа. И если этот Новый Эдем, так же как и в библейской истории с Адамом, потребует определенной заботы о саде, то для этого не возникнет препятствий: креативная стратегия среди вполне рассчитывает на «не обременительно-тяжостное» участие нового горожанина в такой «посильной работе». Сад и забота характеризуют этические нормы, относящиеся к обитателю (новому горожанину), альтернативно настроенному по отношению к мегаполису.

9. Важнейшим свойством нового сада необходимо признать его сценарный и тактильный потенциал, обеспечивающий персональный контакт посетителя с садом, что означает высокий уровень спонтанности, непредсказуемость момента, расставание с типологией массового

променада, отказ от пафосных форм и массовых стандартов прогулки.

10. Перформативный тип сада с его авторскими притязаниями остается обязательной типологией культурного пространства, сжимая формат присутствия по причине своей эксклюзивности, но его методологические основы могут переходить в сферу метафорической и медитативной ретрансляции смыслов.

Литература

1. Эдем // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эдем> (дата обращения: 20.06.2025).
2. Эдем // Православная энциклопедия «Азбука веры». – URL: <https://azbyka.ru/edem> (дата обращения: 20.06.2025).
3. Соколова, М. В. К вопросу об истории садов и парков // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2013. – № 1. – С. 9–17.
4. Botton, A. de. *The Art of Travel*. – London : Published in Penguin Books, 2003. – 261 p.
5. Лэнг, О. Путешествие к источнику эха. Почему писатели пьют. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2020. – 292 с.
6. Ревзин, Г. Парк Бродского // Парк Веретьево : путеводитель. – Москва : ИМА-пресс, 2021. – 121 с.
7. Сендра, П., Сеннет, Р. Проектировать беспорядок. Эксперименты и трансгрессии в городе. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. – 280 с.

References

- Botton, A. de. (2003). *The Art of Travel*. London: Penguin Books.
- Eden. (n.d.). *Azbyka very*. Retrieved June 20, 2025, from <https://azbyka.ru/edem>
- Garden of Eden. (2025, June 15). In *Wikipedia*. Retrieved June 20, 2025, from https://en.wikipedia.org/wiki/Garden_of_Eden
- Laing, O. (2013). *The Trip to Echo Spring. On Writers and Drinking*. Picador.
- Revzin, G. (2021). Park Brodskogo [Brodsky Park] In *Park Veret'evo: Putevoditel*. Moscow: IMA-press Publishing House.
- Sennett, R, & Sennett, R. (2020). *Designing Disorder: Experiments and Disruptions in the City*. Verso Books.
- Sokolova, M. V. (2013). К вопросу об истории садов и парков [On the history of gardens and parks]. *Modern problems of service and tourism*, 1, 9–17.